

В личной судьбе известного русского поэта К.Д. Бальмонта после эмиграции в 1920 г. во Францию особую роль сыграл юрист и журналист Владимир Феофилович Зеелер (1874-1954). Он закончил Харьковский университет по отделению правоведения, работал адвокатом в Ростове-на-Дону, был активным деятелем кадетской партии до 1917 г., достиг поста градоначальника, но был свергнут и арестован большевиками. Затем ему удалось уехать в Париж, где Зеелер был генеральным секретарем «Союза русских писателей и журналистов», входил в правление «Объединения русских адвокатов» и «Быстрой помощи», которая оказывала посильное содействие русским эмигрантам – больным и остро нуждающимся, позднее стал одним из организаторов газеты «Русская мысль». Как генеральный секретарь «Союза писателей и журналистов» В.Ф. Зеелер в течение 30-ти лет постоянно помогал русским писателям и поэтам, в том числе Бальмонту, особенно когда поэт серьезно заболел и материально очень нуждался. Слова, обращенные в одном из писем к Зеелеру (10 июля 1934 г.), ярко отражают ту роль, которую играл Владимир Феофилович в жизни и творческой деятельности поэта: «Без Вас такие загнанные Судьбой и во многом такие беспомощные существа, которым Вы помогаете, без Вас быстро погибнут. Я знаю по себе, что Вы несколько раз спасали от невероятной жути... Ни моя поэзия, ни моя проза, ни мое знание 12-ти или 13-ти иностранных языков решительно никому не нужны».

Письма и стихи Бальмонта, посланные Зеелеру, хранятся в фонде Зеелера в Бахметьевском архиве; они охватывают период от 1929 по 1937 гг. (в фонде имеется также много писем жены поэта – Елены Константиновны Цветковской-Бальмонт, относящихся к 1936-1940 гг. – периоду болезни поэта; сохранились и письма Зеелера Бальмонтам: все это – ценнейший материал, освещающий последний этап жизни поэта). Несколько писем Бальмонта Зеелеру хранятся в Амхерстском Центре русской культуры¹. Сейчас, когда творчество Бальмонта привлекает все большее внимание специалистов и широкого круга читателей², публикуемые архивные материалы представляют несомненный интерес.

Капбретон.

1929. 27 окт[ября].

Дорогой Владимир Феофилович³,

Ваша просьба простая, Ваше ко мне обращение мне дорого, и никакой храбрости тут не надо. Помилуйте, такое письмо, как Ваше, в наши ни на что не похожие дни злобы и человеконенавистничества (какое длинное слово, а все не кончается!), радостно для меня, как цветок или луч в серый день.

Карточка моя у меня сейчас лишь одна и лишь такая. Шлю ее.

Свои стихи «Я Русский»⁴ я очень люблю.

Мой привет Вашей супруге.

Всего лучшего Вам.

Привет из зеленой пустыни.

К. Бальмонт.

Капбретон.

1930. 3 мая.

Дорогой Владимир Феофилактович,⁵

Благодарю Вас за милое письмо и за милое желание иметь надпись на моем портрете. Но вот в чем дело. Я сейчас не очень солнечный, – ни весны у нас, ни честности в людях, далеких и здешних, ближайших, – не могу я ничего Вам написать на портрете. Может быть, Вы ранее научите «лучших» людей Русской колонии в Париже – вежливости и порядочности? И французов, которые, подкупленные большевиками, скрывают правду о Кутепове⁶? И ... но тут я ставлю обычные точки.

А потом, дорогой, при всем моем отвращении к Парижу, имею я точную убежденность, что, проезжая через оный в месяце мае, куда вон из любезной моему сердцу Франции, не на все еще, но месяца так на три, в иной воздух, славянский или около того, я буду в Париже в конце мая или в начале июня. Быть может, я лучше при личном свидании сделаю Вам надпись, – более содержательную или более красноречивую, чем смогу сейчас? Однако, ежели Вы не боитесь подвергать Ваш мой портрет двойной опасности путешествия по неверной французской почте, – что ж, пришлите, – я сердит, да и отходчив, может, и напишу что-нибудь. Во всяком случае, поспешу сказать, что я ведь не знаю, какой Вы портрет получили, – один мне был очень неприятен, – таковой лишь подлежит уничтожению. У Липницкого⁷ есть

очаровательный портрет мой в профиль. Другие – так себе. И так, – я весь в Вашей власти и благорасположении.

Если Вы выдаете Зайцевых, прошу, скажите Вере Алексеевне⁸, что я за нее нередко молюсь, ибо она – пленительно-верная душа. И Наташе З[айцевой]⁹ – моя нежность, а Борису К[онстантиновичу]¹⁰ – ласковый поклон.

Приехали сюда Шмелевы¹¹. Очень я им рад. Вот верный России писатель, которого никак не смогли бы заменить, для любящего Россию те странные старички, которые расстроенный желудок свой превращают будто в лекцию, полную бессильного самохваления, клевет и злопыхательств. Замечательная душа – Шмелев, и каждую минуту, болеющий, может погаснуть от парижского воздуха, с которым, к счастью, я разлучился основательно.

Жму Вашу руку. И буду ждать ответа. За Мирру¹² спасибо. Но это, духовно, бочка Данаид¹³.

Жалею свою девочку, но, кажется, и ангел тут будет бессилен.

Искренне Вам преданный

К. Бальмонт.

Capbreton Landes¹⁴

Malgr tout

1930. 30 декабря. Ночь.

Владимиру Феофиловичу Зеелеру

Откуда Ваше имя? Вы морской?

Иль озерной? Как знать! Слова обманны.

Но знаю, Вы Варяжски мне желанны,

И Вы совсем не всяческий другой.

Итак, привет Вам, милый мой изгой,

И Ваши дни, как дни мои, изъяны.

Но мы в изъяне четки и чеканны,

И сердцем помним Образ Дорогой.

Единственный! И где искать другого?

Не усомнимся в Матери, в Отце,

Вся наша правда – только в их лице.

Мы помним радость Царства Полевого.

Вспомним же: вначале было Слово.

Так наше слово будет – и в конце.

К. Бальмонт.

В.Ф. Зеелеру¹⁵.

Капбретон.

1931. 28 мая.

Владимиру Озерному.

Ко мне пришел Владимир Озерной.

Заботой он встревожен: «Что со мной?».

Приятели суть вестники. Он слышит –
«Славянолюбье - гладь. Поэт чуть дышит».

Сто франков за Славянский он билет

С собой принес. Прекрасно, спору нет.

«Дают – бери!». Российское есть слово.

«Спасибо!», – говорю, опять и снова.

Будь щедры так Поляк, Болгарин, Серб,

Я б стерлядь даровал в Славянский герб.

Будь щедры так прижимистые чехи,

Я «Пильзен» пил бы в беззаботном смехе.

Пусть в Озере Владимира всегда

Пребудет много рыбной вода.

Помочь в беде – Веселая Наука.

К Вам пудовая да пребудет щука.

Капбретон.

1931. 19 авг[уста].

Дорогой Владимир Феофилович¹⁶,

Не знаю, как благодарить Вас за дружескую Вашу заботливость. Вы по истине растрогали и меня, и Елену Константиновну¹⁷. Дни мы переживаем, правда, трудные. Работая усиленно за последние полгода, я окончил несколько книг, но ни одна из них не нашла издателя. Все ссылаются на безденежье.

Неожиданный подарок (иначе, как же это определить!) тем ценнее, что он совсем неожиданный.

Квитанцию прилагаю.

У Ивана Сергеевича¹⁸ бываем каждый день. Он все лето хворает и почти не может работать.

Очень болеет он от человеческой низости, столь пышно цветущей везде в мире.

Лето у нас тоже плохое. Чуть не каждый день дождь. У меня в саду много цветов, мной выхолощенных. И стихи поют иногда. Только это и осталось из хорошего, да дружеские письма.

Маловато для счастья. Его и нет. И в помине нет.

Всего лучшего Вам. Знаю, что и Вам трудно. Елена Константиновна кланяется.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

Капбретон.

1931. 8 сент[ября].

Дорогой Владимир Феофилович¹⁹,

Посылаю Вам для Русских студентов в Праге 4 книги – все, что сейчас могу.

Вам лично что-нибудь из своего, с надписями, пошлю при первой возможности.

Болгарское «лудъ», сербохорватское «луд» – «сумасшедший», «сумасбродный», «вздорный», «безумный» – постоянное определение юноши, неженатого, в болгарских, сербских и хорватских песнях. Полагаю, что это слово понимает обычную лихость юности, способной на все.

Солнца нет. Откликов нет. Надежды – иссохшие признаки. Неведомо мысли, как жить дальше.

Лишь песня осталась.

Привет.

Ваш К. Бальмонт.

В.Ф. Зеелеру²⁰.

Ваш дух ко мне да не пребудет гневен: –

Вы не морской, не озерной, – Душевин.

Гипотеза моя, путем простым,

Пред большей простотой ушла как дым.

Однако ж, Вам совсем не чуждо Море: –

Оно преград не ведает в просторе, –

И без препон Душевина душа

К другой душе идет, светло спеша.

По-прежнему и Озеро в Вас чую: –

Едва своей душой я затоскую, –

Я к Вам приду, и тишь озерной

Душевина душа светла со мной.

Итак, Вам можно, вовсе без ущерба,

Три знамения взять себе для герба: –

Морской корабль, и озерной челнок,

И с голубицей верный голубок.

К. Бальмонт.

Париж.

1932. 17 мая.

В.Ф. Зеелеру²¹

Да будут с Вами звоны струн,

Ваш лик – душа, весь лад Ваш истов,

Неутомимый Вы пестун

Всех романистов, журналистов,

Поэтов... Может быть, порой,
Вы чуткой внимлите душой
Моленьям даже стрекулистов!
Итак, да будет Вам хвала
Многоречива и светла.
В Кламар прибыв, без промедленья, –
Я знаю, франки любят счет, –
Я, с Вашего соизволения,
Квартиры новой в закрепленье,
За месяц заплатил вперед.
Туда уж скорый перелет,
За грозами придя к затишью,
Я совершу, как час придет,
Надеюсь, не летучей мышью,
А соколиною тропой,
Вдыхая воздух голубой.
Елена²⁰ счастлива, как рыба,
Вдруг соскользнувшая с крючка,
И светлого полна изгиба,
Она плывет, – издалека
В глазах мельканье огонька: –
«О, милый наш пестун, спасибо!
Пусть небо в Ваш приветный дом
Прольется золотым дождем!
К. Бальмонт
Clamart.
1932.
21 [сент]ября.
12 ч[асов] н[очи].

Сонет
Владимиру Феофиловичу Зеелеру
Варваре Михайловне Зеелер²³
Я знаю, вы ненарушимо верны,
И как за это благодарен я,
Вы прямо идеальные друзья,
В жестоких днях, средь всякой лжи и скверны
Владимир Феофилович – примерный,
Варвара же Михайловна – струя
Живой воды, радушие жилья
Тому, кто шел пустынею безмерной.
Что дать в замену? Сада больше нет
В моем владении. Нет настурций рдяных.
Но вот – безукоризненный сонет.
И где б я ни был, в самых дальних странах,
Любовь друзей и дружеский привет
В моей душе продлят свой звездный след.
К. Бальмонт.
Clamart. 1933.
Март. 27.

Кламар.
1933. 16 мая.
Дорогой Владимир Феофилович²⁴,
Не знаю, смогу ли я приехать к Вам на совещание о Тургеневском вечере, о котором Вы
говорили. Если не буду на этом совещании, прошу принять во внимание, что я хочу выступить
в первом отделении (иначе трудно вернуть сюда), вторым или третьим²⁵, я скажу несколько
слов «Тургенев как поэт» и прочту мои стихи, ему посвященные, все это займет десять-
двенадцать минут.
Привет, Ваш К. Бальмонт.

Clamart. 1933. 28 сентября.

Дорогой Владимир Феофилович,

Читали мы Вашу заметку о Шмелеве и порадовались, что не забыли о нем. Кстати, знаете ли Вы, что 3 октября нового стиля ему исполняется 60 лет? Я послал кое-что в «Сегодня»²⁶ и собираюсь написать что-то для «Последних Новостей»²⁷. Не знаю, однако, соберусь ли. У нас ад кромешный. Мирре деваться некуда. Гучкова ее держать больше не может²⁸. Бедная Елена орошает свои щеки.

Привет Вам, Варваре Михайловне и молодым.

Ваш К. Бальмонт.

P.S. Как Руставели?²⁹

В.Ф. Зеелеру³⁰

... Один – и два нуля...»

О, слово вне сравнения!

В нем скрыта Мать-Земля.

То слово – не для пенья.

И не для говоренья,

Но в нем благоволение,

И есть в нем угощение

Почти – для Короля.

Вполне я понимаю

Мне выпавшую роль: –

Хотя и не без краю,

Признательность я знаю,

Пред Вами лик склоняю,

И Вам я восславляю,

За данную хлеб-соль.

Конечно, больше соли,

Чем хлеба в этом мне: –

Два взрослые в неволе

И, как цветочки в поле,

Две девочки, не в холе,

Но все ж не в злой доле...

Вам исполать – вполне!

К. Бальмонт.

1935. 23 февраля.

Clamart, Seine.

Заветное слово

Владимиру Феофиловичу Зеелеру³¹

Я бродил пустынною долиной,

Было грустно и темно вокруг,

И шептал: «Когда б завет единый

Мне блеснул, – святое слово Друг!»

Дружба может быть любви вернее,

В прочности она верней всего,

Быть в печали, друга не имея,

Грустно, – обопрусь я о кого?

Так я думал и пошел я к дому,

Пред ночной уже кончался гул,

И, тая тяжелую истому,

Думая о дружбе, я уснул.

Но, едва окутало забвенье,

И зареял сновидений круг,

Донеслось до слуха дуновенье: –

«Ты забыл, что у тебя есть друг!

О тебе и о твоей я милой

Вечно помню и жалею Вас...»

Голос пел с неотразимой силой,
И горели светы добрых глаз.
Бабочки порхали над цветами,
Голубел и золотился луг,
И звучало четкими словами: –
«Ты забыл, но помню я, твой друг!»
Этот голос был светло напевен,
И во сне я весело вскричал: –
«Боже мой, да это же Душевин!»
И внезапно вспыхнул пламень ал.
Я проснулся, вижу, что лучами
Начерталось ярко на стене: –
«Я всегда с тобой, с двоими вами,
Я твой брат, и друг ваш, верьте мне!»
К. Бальмонт.
Noisy-le-Grand, S.O.
1937. 29 марта. Утро.

Сорок лет любви – и более³²
(В.Ф. Зеелеру-Душевину)
Сорок лет тому назад
Ты был юный адвокат.
В тот же год, – уж сорок лет, –
Ты влюбленный был поэт.
Варю³³ юную пленив,
Ты с невестой был счастлив,
И на радость всем друзьям
Ввел ее ты в Божий храм.
Шафер твой был кто же он?
Да веселый Папильон,
Хоть лихой, совсем не злой,
И, как ты же, удалой.
Он, Попилин, верь не верь,
Тот же юный и теперь,
Обвенчает – и сейчас,
Поцелует – в самый раз.
Ну, так что же, милый друг?
Собирайтесь в тесный круг.
Взор во взор, к плечу плечо,
Поцелуйтесь горячо.
Поцелуй – как пенье лир,
Пусть ликует брачный пир.
Сорок лет любил ты, брат?
Вновь люби, – хоть шестьдесят.
Ты – душевный человек,
Будешь в страсти весь свой век.
Ты – любовь, а в ней закон
Всех краев и всех времен.
К. Бальмонт.
1937. 30 августа.
Noisy-le-Grand.
S.-O.

26, av[enuе] Chilperic, 26
Noisy-le-Grand, S.O.
1937. 28 сентября³⁴.
Дорогой Владимир Феофилович,
Благодарю Вас за ласковое посещение, за подарки, которыми мы сейчас живы, за опущенную
мою открытку к Рудневу³⁵, он не умер, а прислал мне последний № «С[овременных]
З[аписок]» и 52 фр[анка].

Мне горько думать, как Вас огорчит то, что я сейчас напишу. Я так растерзан и внутренне разорван, что совершенно не в состоянии выступить публично. Если Вы не заказывали залу в «Muse Social», не заказывайте ее. Если уже заказали, прошу, ссылаясь на мой сердечный недуг, пошлите отказ заказным письмом и убедитесь, что он получен и зала не будет числиться за нами. Чтобы не свалилась потом она на голову. Прошу, напишите мне об этом подробно.

Я в ужасе и отчаянии от нашего безденежья и боюсь, что не нынче-завтра нас выставят отсюда на улицу за неплатеж.

Что делать? Не знаю. Мне кажется, что мы летим в пропасть.

Вам и всем Вашим от меня и Елены Константиновны сердечные приветы.

Искренне Ваш К. Бальмонт.

Итак, всего несколько писем и несколько личных, шуточных стихотворений Бальмонта. Но понять творчество поэта, полнее представить его жизнь во Франции, круг его знакомств можно и должно, только собирая в архивах написанное им.

Якорь: #prim

1. Union of Russian Writers and Journalists Abroad, (картон 3. Ед.хр. К. Balmont). Amherst Centre for Russian Culture.
2. Из последних публикаций см., например: Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001; Встреча: Константин Бальмонт и Иван Шмелев / Вступ. ст., примеч. и публ. К.М. Азадовского и Г.М. Бонгард-Левина // Наше наследие. 2002. № 61. С. 92-116.
3. Написано рукой Бальмонта; черные чернила.
4. Вошло в сб.: В Раздвинутой дали: Поэма о России. Белград, 1929. С. 55.
5. Напечатано на машинке. Слова «Искренне Вам преданный Бальмонт» и «Сие – из независимого источника сведение, мною не спрошенное и пришедшее случайно» – написаны рукой поэта черными чернилами. «Феофилактович» вместо правильного «Феофилович».
6. Александр Павлович Кутепов (1882-1930) – генерал, сражался в армии генерала Врангеля; считалось, что был похищен советскими агентами 27 января 1930 г.
7. Е.Б. Липницкий – известный фотограф, владелец фото-ателье в Париже.
8. Вера Алексеевна – жена писателя Бориса Константиновича Зайцева.
9. Наталья Борисовна – дочь писателя; сейчас живет в Париже.
10. Борис Константинович Зайцев (1881-1972) – известный русский писатель.
11. Иван Сергеевич Шмелев (1873-1950) – выдающийся русский писатель. Его жена – Ольга Александровна.
12. Мирра Константиновна (1907-1970) – дочь К.Д. Бальмонта.
13. Данаиды – в греческой мифологии 50 дочерей царя Даная, по преданию они закололи своих спящих мужей.
14. Почтовая открытка (вид на океан при заходе солнца). На обороте «Владимиру Феофиловичу Зеелеру» и стихотворение – написано рукой Бальмонта.
15. Почтовая открытка. Стихотворение и подпись написаны Бальмонтом черными чернилами.

16. Написано черными чернилами.
17. Жена поэта Елена Константиновна Цветковская (1880-1944).
18. Имеется в виду И.С. Шмелев.
19. Написано черными чернилами.
20. Стихотворение написано черной ручкой
21. Написано черными чернилами.
22. Елена Константиновна – жена Бальмонта.
23. Жена В.Ф. Зеелера.
24. Написано черными чернилами.
25. Подчеркнуто Бальмонтом.
26. См.: Бальмонт К. И.С. Шмелев (Ко дню его 60-летия. 3 октября 1933 г.). Сегодня. 5 октября 1933 г.
27. Напечатано под тем же названием 5 октября 1933 г. в «Последних новостях» (№ 4579).
28. Мирра лечилась в клинике.
29. В 1933 г. в Париже вышел перевод Бальмонта поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». См.: Носящий барсову шкурку: Шота Руставели. Роскошное издание: С изъяснительными очерками, виньетками и иллюстрациями, воспроизведенными с первого грузинского издания. Париж, 1933.
30. Написано черными чернилами.
31. Написано черными чернилами.
32. Написано черными чернилами; подчеркнуто поэтом.
33. Варвара Михайловна – жена Зеелера.
34. В начале января 1937 г. Бальмонт и его супруга поселились в своего рода пансионе «Мать Мария» или «Мать Анастасия». Об этом поэт сообщает в своем письме к Зеелеру от 24 декабря 1937 г. (Бахметьевский архив. Фонд Союза русских писателей и журналистов. Картон 1).
35. Вадим Викторович Руднев (1879-1940) – один из редакторов журнала «Современные записки».